

ГОСУДАРСТВО СОВЕТСКОЕ И РОССИЙСКОЕ:
СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ

Ершов Ю.Г.

доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и политологии
Уральского института-филиала Уральского института – филиала Российской академии
народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Россия)

УДК 342.22
ББК 66.033.12

В статье рассматриваются связи преемственности советского и современного российского государства. Раскрывается роль монополизации власти как фактор препятствия модернизации общества. Устанавливается взаимосвязь социокультурного раскола и отторжения либерально-демократических ценностей.

Ключевые слова: государство, раскол, самодержавие, разделение властей, монополизм.

Yershov Yu.G.

SOVIET AND RUSSIAN STATE: SIMILARITIES AND DIFFERENCES

The author considers succession connections of the Soviet and Russian state. He reveals the role of power monopolizing as a factor to prevent the society modernization. The author establishes interrelations between social-cultural split and abruption of liberal-democratic values.

Key words: state, split, autocracy, power division, monopolism.

Постоянным вызовом для любого общества, переживающего сложные перемены всего своего состояния, является вопрос о роли государства в трансформации экономики, власти, общества в целом. Одновременно это и вопрос о модели государства, его целях, характере взаимоотношений с социумом и отдельным гражданином, его способности создать мощной политической волей мобилизационный импульс для национальной модернизации. Но любая теоретическая модель обречена на провал, если в ней не учтены исторические обстоятельства места и времени, преемственные связи и разрывы в развитии, источники роста и, прежде всего, нуждающиеся в преодолении хронические дисфункции и патологии.

Характерные черты российской исторической жизни, государства и общественного сознания проявляются в особом типе их преемственного развития. После петровских реформ они каждый раз восстанавливают прошлое при равнодушии к настоящему и будущему, причем образ прошлого постоянно корректируется при жизни каждого поколения, подвергаясь инверсионным колебаниям – от одной крайности в самоидентификации к другой. Именно так большевизм радикально превратил самодержавную историю России в сплошное темное пятно, аналогично, с конца 80-х годов прошлого века советское прошлое ста-

ли трактовать как кошмарный ужас тоталитаризма. Источник инверсий – основное противоречие российской культуры, известное под именем раскола. Раскол в самом общем виде – это разрыв единой идентичности общества, коммуникаций между государством и обществом, между духовной и властной элитами и внутри самого народа. Раскол выражается в идейно-политическом и социальном расслоении общества, доходящем до субкультурных, цивилизационных различий. Сегодня раскол российского общества имеет все признаки обострения. Социальные группы и слои, проигравшие в результате проводимых в России реформ, поддерживают то, что связано с реанимацией советских порядков, а отторгают – то, что способствует действительной модернизации и существенно сближает с западной цивилизацией. Подразумеваются такие ее характерные черты как: практицизм, деловитость, расчетливость, добросовестность в деле, изобретательность, способность к конкурентной борьбе и к риску, к самодисциплине и самоорганизации, повышенное чувство собственного достоинства, стремление к независимости и успеху [1, с. 61].

Раскол воспроизводится разнообразными способами, но прежде всего двойственным отношением к государственной власти: сакрализацией первого лица как источника блага и демонизацией государ-

ственной бюрократии как воплощения зла. При этом разрыв единства носителя высшей власти с государственным аппаратом находится вне рационального объяснения, что свойственно мифологическому мышлению традиционного общества. Россия как раз и «застряла» между традиционной и либеральной цивилизацией, адаптируясь к расколу, перенимая черты западной либеральной цивилизации в искаженном виде, сохраняя худшие или восстанавливая архаичные черты собственного прошлого. Государство и общество существуют без внутренних основ саморегуляции, с неустойчивой и противоречивой цивилизационной идентификацией.

Социокультурный раскол сегодня выражается ценностным конфликтом между так называемыми «рассерженными» горожанами мегаполисов и жителями провинциальной России. Это противостояние людей, принадлежащих к социально-профессиональным группам с высоким уровнем образования и современным секторам экономики, и социальных слоев, тяготеющих к гарантированной стабильности привычных форм жизнедеятельности. Последние и воспроизводят наиболее устойчивую черту российской патерналистской политической культуры – социальное и психологическое бессилие человека перед государством, слабо развитое чувство личного достоинства и чести, чуждость ценностей личной и социальной свободы.

Аксиология этого умонастроения заключается в твердом убеждении, что первое лицо в государстве есть высшая персона, верно определяющая путь державы и высшие ценности ее существования. Любое сомнение в правильности мыслей и дел первого лица ставит под сомнение легитимность его нахождения у власти и становится источником волнений и смут.

Размышляя, в этом контексте, об особенностях отечественного государства, В.Н. Шевченко выделил в онтологическом архетипе российской государственности следующие наиболее существенные черты:

«1. Единоличная власть и жесткая, иерархическая вертикаль власти.

2. Сакральный, духовно-нравственный характер единоличной власти.

3. Государственный управленческий аппарат как инструмент реализации политических решений «единоличной власти» [2, с. 21]. На этом основании современной либеральной философской и политической мысли автором сделан упрек в непонимании той роли, которую играли и играют эти онтологические основания в жизни российского государства. В очередной раз речь идет об ошибочности критики авторитаризма как вредного пережитка и отсталости, негативных последствиях насильственного внедрения западных институций. Они неизбежно порождают социальные патологии, и ведут к социальным потрясениям – вос-

станиям, бунтам, революциям, гражданским войнам [2, с. 28-29].

Эти и им подобные реминисценции, участвовавшие в последнее время, поневоле напоминают нелепо-наивные рассуждения Н.Я. Данилевского о богобоязненном и послушном власти русском крестьянине. Перечисляя отличительные черты русского народа, «прозорливый» мыслитель сделал вывод о России как едва ли не единственном государстве, «которое никогда не имело (и, по всей вероятности, никогда не будет иметь) политической революции, то есть революции, имевшей целью ограничение размеров власти, присвоение всего объема власти или части ее каким-нибудь сословием или всею массою граждан, изгнание законно царствующей династии и замещение ее другою» [3, с. 488].

Заметим, что Данилевский в последнее время все чаще цитируется в качестве отца-основателя традиции видеть во всех геополитических событиях органическую предвзятость и злонамеренные козни западноевропейской (сегодня шире – всей западной) цивилизации по отношению к России. Да и вывод В.Н. Шевченко предвосхищен в «России и Европе»: «Нравственная особенность русского государственного строя заключается в том, что русский народ есть цельный организм, естественным образом, не посредством более или менее искусственного государственного механизма только, а по глубокому вкорененному народному пониманию, сосредоточенный в его государе, который вследствие этого есть живое осуществление политического самосознания и воли народной, так что мысль, чувство и воля его сообщаются всему народом процессом, подобным тому, как это совершается в личном самосознательном существе» [3, 458-459].

Но нельзя не согласиться, что преемственная и сущностная черта российской государственности, подтверждаемая историей нескольких веков – это действительно традиция самодержавия.

Ее суть – в стремлении к максимальному контролю высшей политической власти над обществом, уничтожающему публичность политики и, тем самым, политику как таковую. С разным риторическим облачением и идеологическим фасадом эта традиция воспроизводится царской властью, «диктатурой пролетариата», современным президентством. Советская власть в теории подвергала самодержавие ожесточенной критике, на практике воплощая его в жизнь. Таков инвариант российской власти, независимо от господствующей в государстве идеологии. Например, Конституция Российской Федерации 1993 г. провозглашает принципы конституционализма, республиканизма и демократии, подобно тому, как советская конституция закрепляла «социалистическую демократию». Советское государство карательными санкциями «запре-

щало» видеть несоответствия идеологических постулатов и реальной жизни, апеллируя к непререкаемой истинности «марксистско-ленинских» догм и несомненности их воплощения в жизнь. В постсоветском государстве радикально иной характер идеологии, выраженной в Конституции – либерально-демократический. Ее ценности, в частности, духовный плюрализм и запрет государственной идеологии (лукавый, как видно), не позволяют проделывать аналогичные акции подавления инакомыслия. Пока, по крайней мере. Но потребности практической идеологии, коль скоро официальная, либерально-демократическая, по результатам «реформирования» отторгается большинством населения, настоятельно требуют обращения к иной традиции и соответствующим аргументам. И они находятся. В.Н. Шевченко выводит сакральность, абсолютную ценность высшей власти из того, что ее разрушение означает одновременно разрушение государственного и общественного строя, ставит под угрозу само существование цивилизации [2, с. 23]. При этом у него нет ни слова об угрозе цивилизации и обществу со стороны государства, деятельность которого нередко в мировой истории приводила к национальным катастрофам, в России XX века – дважды. По свидетельству все той же российской истории, в ней укоренены – всевластный бюрократизм, чиновничий произвол, управленческая некомпетентность, зависимость судов, подавление личной инициативы и индивидуальной свободы. Если от обычной уголовной преступности, даже в случае плохой работы полиции можно защищаться самому гражданину, то от многих злоупотреблений органов власти и чиновников самозащиты не существует, особенно когда преступления совершаются представителями силовых структур, порой «успешно» замещающих криминальный мир.

Сакральность в рассматриваемой версии обусловливает и обусловлена неразрывностью единоличной государственной власти и народа. Олицетворяя волю и благополучие государства и народа, первое лицо следует идее «общего блага», создавая тем самым этическую основу государства. По В.Н. Шевченко: «Концентрация государственной власти в руках одного человека означает определенный способ принятия высших государственных решений и определенный способ организации всей властно-управленческой пирамиды. Это – вертикаль трансляции сверху вниз решений моновласти» [2, с. 21]. Первое лицо, персонифицирующее государство, выступает способом и условием его стабильного существования и должно представлять своим обликом сгусток политической воли, который удерживает страну от явлений разложения и распада, считает В.Н. Шевченко. «Огромная концентрация власти и политической воли оказывается естественной и необходимой стяжкой территории

страны в единое государственное целое. Структура власти в своей практической деятельности представляет нечто похожее на термояд, на атомную электростанцию, использующую энергию атома в мирных целях. Она генерирует в рамках парадигмы власти целенаправленную волю и передает по всей управленческой структуре сверху вниз» [2, с. 23] (Чернобыльская трагедия – неплохая иллюстрация «энергии» целенаправленной воли «вертикали» власти!).

Как отчетливо видно, годы не властны над «вечными» идеями, и сегодня опять встречаем пассажи о гнилых принципах Запада, противоречащих «нашему русскому национальному характеру» – разделение, индивидуализм, конкуренция и капитализм. Неважно, утверждают другие современные авторы, какую организационно-правовую форму примет «наше» внутренне свободное общество: «Главное для нас – это возрождение того духа морального закона, который выше внешней справедливости, закона, который был положен в основу нашего государства мудрым правителем и который был наиболее ярко выражен в более чем тысячелетнем опыте православия на нашей земле» [4, с. 206]. Мы опять вступили на скользкую дорожку поиска идей «особого пути», ретроспективных утопий, призванных обосновать «нашего лица необщее выражение». Как точно заметил Э.А. Паин: «Идея цивилизационного своеобразия, будто бы предопределяющего «особый путь» нации, должна, по мысли политических технологов, прежде всего оправдать доктрину «суверенной демократии», в которой властвующие персоны играют неизмеримо большую роль, чем это принято в демократических государствах. Эта же идеология должна решать задачи политической терапии. Россиянам внушается мысль о бессмысленности и вредности привычки сравнивать свое положение с развитыми странами, поскольку Запад – другая цивилизация. Внедрение в массовое сознание таких представлений должно выполнить функцию санитарного кордона, препятствующего проникновению в Россию «чуждых» ей либеральных и демократических веяний» [5, с. 49].

Видимо, «родные» идеи заключаются в обосновании подчинения общества государству и становления полицейского режима, при котором повседневная жизнь обычных людей всецело контролируется и регулируется сверху. Например, «Суть характеристик Николая I, содержащихся во всех без исключения мемуарах современников, сводилась к одному: он считал, что его власть может и должна распространяться «не только на внешние формы управления страной, но и на частную жизнь народа, на его мысль, его совесть», что он сам «в состоянии все видеть своими глазами, все слышать своими ушами, все регламентировать по своему разумению, все преобразовать

своею волею» [6, с. 51]. Дело, конечно, не персонально в Николае I, таковы все самодержцы. Просто в этом случае бюрократия всегда уходит от контроля «первого лица», более заинтересованного в политической лояльности аппарата, нежели в его активной управленческой роли. Стремление повысить иерархический контроль приводит к повышению его издержек и повторению системного дефекта всех «самодержавных» времен: «верхи» вынуждены доверять дезинформации «снизу», низшие звенья системы управления саботируют распоряжения и приказы. Так было в царской и советской России, так происходит и сейчас. Показательна в этом плане риторика руководящего тандема по поводу всевластия чиновничества – В.Путин: «замкнутая и надменная каста, понимающая государственную службу как разновидность бизнеса»; Д.Медведев: «государственный аппарат у нас зачастую выступает как сам себе суд, сам себе партия и сам себе, в конечном счете, народ». Факт подобных высказываний и практика участвовавших разносов подчиненных (в том числе министров) со стороны высших руководителей или их личного участия в решении проблем муниципального уровня свидетельствуют о системной проблеме – отсутствии профессионального корпуса государственных и муниципальных служащих, невыстроенности ни государственной, ни муниципальной службы. Кроме того, подобные инвективы укрепляют «народное» убеждение в виновности чиновников, злонамеренно противостоящих благой воле высших руководителей.

Конечно, социо-гуманитарное знание невозможно вне определенной системы ценностей, но когда теоретические рассуждения включают в себя буквальное понимание сакральности, они, по нашему мнению, становятся нерелевантными описываемой реальности. Акушер-гинеколог сколько угодно может обожествлять женщину, но при приеме родов от него требуется не умиленное преклонение, но профессионализм.

Поэтому профессиональный подход исключает сакрализацию любого культурного феномена, в том числе и анализ природы российской государственности.

«Русской власти», ставшей в последние годы отдельным концептом и предметом пристального изучения, присущи следующие атрибуты: обоснование себя самой и превращение в самоцель, репрессивный характер навязывания воли и отсутствие обратных связей, крайняя асимметричность в распределении прав и обязанностей [7]. Власть в качестве самоцели направлена исключительно на собственное воспроизводство, укрепление и максимальное расширение; все прочие цели, вытекающие из основных функций государства, становятся второстепенными. Следствием деятельности подобной власти закономерно являются:

низкая эффективность и нерациональность управления, основанного на практиках неформальных сделок, масштабная коррупция, дискриминация прав и свобод граждан.

В 1991 году в нашей стране произошел политический переворот, отдаленные последствия которого неопределенны и пока до конца неочевидны. Ясно одно: политико-правовые изменения произошли с невероятной быстротой и недопустимой радикальностью. Конституция РФ 1993 г. ввела многопартийность, разделение властей, идеологический плюрализм, закрепила основные права и свободы в качестве незыблемой ценности правового государства. Словом, все то, что не так давно подвергалось ожесточенной критике как признаки «фальшивой» буржуазной демократии, маскирующей бесчеловечную эксплуатацию «человека труда» крупным капиталом.

В какой же мере институциональные изменения привели к реальным изменениям, а в какой являются декоративным фасадом, скрывающим иную реальность?

Новые институты, нормы и ценности, книжно знакомые образованной части общества и имеющие западное происхождение, были навязаны большей части населения. Естественно, что с самого начала они и не могли не иметь формального, декларативного характера. Идеологический вектор был определен однозначно – либеральная демократия с неявным образом США в качестве эталона, сопоставимого по уровню державных амбиций с Россией как правопреемницей Советского Союза. Содержание заимствований определялось инверсионной логикой отрицания существенных черт общественно-политической системы социалистического общества – политического, экономического и идеологического монополизма. На смену пришли упомянутые ценности правового государства и его атрибутов – индивидуальных свобод, многопартийности, разделения властей, призванных противостоять узурпации власти.

Разделение властей предполагает позиционные конфликты между специализированными органами власти и их функциями; в идеальной норме разрешение этих конфликтов должно вести к совершенствованию государственности, механизмов и организационных форм принятия управленческих решений, повышению целостности государства и общества. Хрестоматийная суть принципа разделения властей и системы взаимных сдержек и противовесов – в противостоянии узурпации государственной власти.

Но в постсоветской российской государственной системе закономерно рецепция института разделения властей, следовательно, и иных черт правового государства, была фактически уничтожена институтом президентства, эквивалентного самодержавной

власти. Практически мгновенно воссозданная моноцентристская политическая система вызвала реакцию отрицания дифференциации государственно-властных функций и возврат к авторитаризму единоличного правления, сопряженного с запретительными и репрессивными практиками спецслужб, правоохранительных и административных органов.

Монополизм – самое слабое место советской экономики, сохранился практически в неизменном виде, изменился только субъект монополистической деятельности. Власть и сверхкрупная собственность по-прежнему принадлежат представителям и потомкам партийно-государственной номенклатуры. В некотором смысле система «русской власти» произвела косметический ремонт. Изменилась форма политического господства, идеологическая риторика, правовой фасад. Но властная элита, ворвавшись в рынок советской карьеристской группой, таковой же и осталась. Не обладая ни принципами, ни стратегическим мышлением и концепцией будущего, она нацелена на самосохранение своего привилегированного положения в политике и экономике.

У советской номенклатуры было фактическое право распоряжаться общенародной (государственной) собственностью, грабительская приватизация превратила это в «право де-юре». Но раздать заводы, комбинаты, фабрики и т.п. в частные руки – еще не означает создать собственника. Кроме того, рынок определяется не формой собственности, а наличием конкуренции, обуславливающей снижение цен, технический прогресс, развитие рабочей силы, удовлетворение потребностей населения. В конце 80-х годов прошлого века, – отмечал В.Б. Пастухов, – основным объектом критики была «плановая экономика», «административно-командная система», которые определялись как постоянное внеэкономическое (внешнее) насилие над экономикой. «Сегодня основным объектом критики становится «силовая экономика», основанная на государственном рейдерстве система «соучастия» правоохранительных органов в управлении формально независимыми коммерческими структурами всех уровней вне зависимости от формы их собственности. По сути – это есть то же самое внеэкономическое (внешнее) насилие над экономикой, не позволяющее ей развиваться по своим собственным законам» [8, с. 26]. В современных условиях любая «силовая экономика» блокирует нормальное развитие эффективных государственных институтов, призванных регулировать экономическую деятельность. Ничего общего с государственным регулированием экономики система «государственного рейдерства» не имеет.

Поскольку же новые монополии подавляют конкуренцию, то никаких новых стимулов экономического роста по сравнению с прошлым, и не возник-

ает. Значительная часть предприятий экономически несостоятельна и без помощи государства обречена на полный крах.

Крупный олигархический бизнес, давно сросшийся с бюрократией, стал объективным препятствием на пути инноваций в производство. Любые инновации, успешно внедренные в производство, ведут к перераспределению финансовых потоков, подрыву сложившихся монополий, ухудшению положения работающих по старинке. Но вместо создания условий, поощряющих наиболее эффективных предпринимателей, продуктивную конкуренцию, процветает рейдерство, аналогичное средневековым территориальным захватам. В результате действия сложившейся криминально-коррупционной властной «вертикали» происходит перераспределение важнейших ресурсов от групп, ориентированных на модернизацию общества, к его верхушке, стремящейся к безграничному личному обогащению.

Положение малого и среднего предпринимательства шатко и неустойчиво, они находятся под постоянным административным и налоговым гнетом, их удельный вес в создании ВВП значительно уступает экономически развитым странам. Частная собственность, как и многое другое, нашедшее конституционно-правовое воплощение, существует номинально.

В самом общем виде социальные регуляторы общества основаны либо на преобладании властной иерархии, либо на универсальных нормах, процедурах, выражающих общегражданские ценности. Если собственность имеет статусный характер и может быть беззастенчиво отобрана в результате рейдерского захвата, в котором активно участвуют представители государственных органов, то это означает, что не она укоренена в обществе, но именно власть выступает как источник всех благ, и их податель. Сакрализация власти в таком случае будет неизбежно носить мифологизированный и архаичный характер, свойственный добуржуазным обществам.

Единственно современный способ повышения производительности труда – предпринимательство, конкурентоспособность, деловая активность, организация и управление, лидерство и менеджмент. Именно от них зависит место страны в мировой экономике, технологические новшества, инвестиционный климат, модернизация. Все это – зона ответственности управленческой элиты. Именно российские власть и олигархи развалили экономику, проиграли международную конкуренцию, породили неэффективность, коррупцию, парализовали целые отрасли, а капиталы вывезли за рубеж.

Персонифицированная верховная власть сегодня выступает главным фактором монополизации в политике, экономике и в обществе в целом. Другими

словами, восстановился инвариант российской истории – «моносубъект властесобственности», своеобразный монолит власти и собственности, присущий традиционному обществу, а в современную историческую эпоху служащий источником авторитаризма разных степеней.

Форма правления, закреплённая в Конституции РФ, находится в явном противоречии с принципом разделения властей и системы взаимных сдержек и противовесов. Тем самым она открывает широчайшие возможности для злоупотребления самовластием.

Конституционный статус Президента в России имеет мало общего с демократией – он не только выведен за пределы трех властей, но и поставлен над ними. Он не является главой исполнительной власти, но объем его полномочий делает фактически верховным сувереном («самодержцем»), поскольку за ним закреплены чрезвычайные единоличные полномочия: решение об отставке Правительства, руководство внешней политикой и утверждение военной доктрины, назначение всех судей федеральных судов, кроме высших, которые назначаются Советом Федерации, но, опять же по представлению Президента, назначение референдума, предложение кандидатур не только исполнительной власти, но и Председателя Центрального банка, Генерального прокурора и др. Один из весомых рычагов (факторов, моментов) системы сдержек и противовесов является процедура импичмента (отрешения от должности), но по Конституции РФ она практически невозможна из-за политического контроля президента над Верховным и Конституционным судом, Государственной Думой и Советом Федерации.

Властная элита состоит из людей, выдвинутых лично Путиным и представляющих собой его личную («питерскую») команду. Аналогичным, клановым образом формируются управленческие (патрон-клиентные) команды на всех остальных уровнях власти и управления. В значительной степени система управления государством строится на системе негласных договоренностей между группами влияния. Формально-правовые процедуры соблюдаются, но реальное значение имеют неформальные договоренности, незаконное лоббирование, кулуарные переговоры и сделки. Гарантом и координатором этих договоренностей на высшем уровне, выстраивающим необходимый баланс клановых интересов, является лично Путин, обладающий в качестве Президента неограниченными возможностями. По Конституции РФ Президент имеет право издавать собственные нормативно-правовые акты (Указы), предваряющие федеральные законы или их подменяющие, тем самым вносить свою лепту в ситуацию институциональной неопределенности, тем самым – личного усмотрения. Немаловажно то,

что от президента зависит финансово-материальное обеспечение органов и должностных лиц всех ветвей власти.

В современном демократическом государстве политический лидер идет на выборы, собрав свою команду, в еще большей степени она необходима ему, когда он становится первым лицом. Для команды совершенно естественно требование лояльности и личной преданности. Но у «самодержца» может быть только двор. Даже если он именуется командой, то всегда представляет собой неформальные группы влияния с их «подковерными» схватками между собой, транслируемыми в борьбу различных группировок в министерствах и ведомствах. Точно так же как и во времена Политбюро, сегодняшний «двор» – это администрация Президента. Администрация Президента согласно Указу от 25 марта 2004 г. была признана «государственным органом, обеспечивающим деятельность президента Российской Федерации и осуществляющим контроль над исполнением решений президента» [9]. Полномочия Администрации, прописанные в Указе, свидетельствуют о чрезвычайно широких масштабах ее влияния как инструмента президентской власти.

Монополия на власть закономерно ликвидирует независимость законодательной и судебной власти. Так, исторический опыт парламентаризма, как дооктябрьского, так и современного, свидетельствует: отсутствие реальных полномочий у парламента ведет, в зависимости от политической ситуации, или к полной несамостоятельности, или к радикализации депутатов; в любом случае – к росту их политической безответственности. Судьи же не столь независимы, как того требует теория разделения властей, а суды не обладают всеми необходимыми сдерживающими полномочиями по отношению к другим ветвям власти.

Существующий порядок назначения судей ставит под сомнение их независимость, сомнителен и представительный характер судебной власти, который мало спасает институт присяжных заседателей, вызывающий немалое раздражение у чиновников. (Мы отвлекаемся от оценки наличного и противоречивого опыта суда присяжных в России, но причины его несовершенства во многом являются следствием формальности его организации).

Российская элита не заинтересована в восстановлении политической конкуренции (без того имеющей у нас скупую историю), возвращающей в политику общество, поскольку это, скорее всего, поставит под угрозу все ее достижения по части личного обогащения и захвата собственности. Поэтому стратегические ценности правового государства (свобода, равенство и справедливость) – досадная помеха для «жесткой, иерархической вертикали власти». Кроме

того, силовые структуры, обеспечивающие единство власти и собственности, органически не принимают и неспособны использовать цивилизованные, относительно тонкие методы политической борьбы, «связанные» законом.

Под предлогом защиты конституционного строя происходит ограничение гражданских свобод, акции так называемой «несистемной» оппозиции, имеющей слабую социальную поддержку, подавляются с несоизмеримой жесткостью. Рационально объяснить ее можно только целью внушить чувство страха по поводу любой публичной деятельности независимых от государства граждан и общественных организаций. Говорить об идеологическом контроле как подавлении инакомыслия пока не приходится, но социально-психологические предпосылки уже возникают – в виде доминирования официальной позиции или показательных судебных процессов. В этом плане характерна озабоченность властных кругов по поводу учебника по отечественной истории для средней школы, призванного учить «официальной» истории. Или, как видим, появилась тенденция не только производить сильные символические образы персональной, харизматичной власти, но и контролировать их интерпретацию.

Между тем, по оценке авторитетного специалиста в сфере государственной службы, современное российское государство характеризует: «В политическом плане – чрезмерное разрастание и безответственность исполнительной власти, в социальном – отчуждение этой власти от народа; в организационном – канцелярская подмена содержания формой; в морально-психологическом – бюрократическая деформация сознания» [10, с. 17].

Государство имеет «декоративный» вид, потому что: во-первых, если и принимаются неплохие законы, их реализация и правоприменительная практика сводят к минимуму позитивные сдвиги; во-вторых, бюрократия избегает любого возможного риска и ответственности. Государство мало готово к новым задачам развития, стимулированию активности и оптимизации конкуренции.

В российском обществе существует явный запрос на общественный порядок и сильную власть. Характерны ответы социологам на вопрос о ключевой идее модернизации: 41% – равенство всех перед законом, соблюдение прав человека, гарантированных Конституцией; 38% – жесткая борьба с коррупцией; 31% – социальная справедливость; 25% – формирование эффективной инновационной экономики; 20% – укрепление силы и могущества государства. Только 12% – расширение возможностей для свободного предпринимательства и развитие конкуренции; 14% – возрождение русских национальных ценностей и традиций. За демократическое обновление обще-

ства ратуют лишь 7% [11, с. 11]. Очевиден перекося в пользу социальных прав и гарантий и незначительность поддержки ценностей предпринимательства, конкуренции и демократии. В то же время требование независимого правосудия и равенства всех перед законом уже актуализировано и артикулировано значительной частью населения. Но массовое сознание нерелективно, поэтому связь этих требований с изменением политического строя общества находится в зачаточном состоянии. При этом, единодушно отмечают социологи, ценности постиндустриального общества – значимость возможностей самореализации, готовность идти на материальные жертвы ради целей устойчивого развития и т.д., в последние годы даже теряют в России свою популярность в отличие от ценностей материального преуспевания, индивидуального успеха и т.п. По-прежнему массовым характером обладают слабая готовность к соблюдению производственной дисциплины вообще и технологической дисциплины в частности, небольшой «горизонт планирования», отсутствие четкой связи в их сознании трудовых усилий и материального преуспевания, отсутствие солидарности и т.д. [12, с. 18-19].

Да, стабильность в обществе чрезвычайно важна и для его нормальной жизни, тем более для решения модернизационных задач. Но если социальная и политическая стабильность достигается мерами популистского толка, обеспечивается углеводородной рентой, то тогда будет неизбежно воспроизводиться политическая пассивность и иждивенческая психология населения, требующего «сильной руки» и не задумывающаяся о судьбе государства и общества.

В этом случае доминирование так называемого «ручного» управления значительно усиливает вероятность большей продолжительности кризисных процессов по сравнению с моделью действия универсальных механизмов развития – государственно-частного партнерства, реформирования естественных монополий, настройки налоговой системы на поощрение экономического развития и высокотехнологических производств, поддержки инноваций и энергосбережения, консолидации и модернизации банковской системы.

Укрепление прокурорского надзора и судебной системы приведет к обратным результатам, если не будет равной для всех без исключения государственных органов и должностных лиц публичной власти всех видов ответственности: политической, административной, моральной, уголовной. Если в архетипе российской государственности – сгусток политической воли, целенаправленно транслируемой по всей управленческой структуре сверху вниз, то отсутствие видимых результатов в борьбе с коррупцией, отсутствие эффективной государственной службы, постоянно подменяемое «ручным управлением»

высших должностных лиц на деле означает или отсутствие должной политической воли, или совершенно иной ее вектор.

Трудно, если не нелепо говорить о сакральности власти в условиях, когда население постоянно сталкивается с безнаказанностью произвола «сильных мира сего, в том числе и аппарата власти по отношению к гражданам и структурам гражданского общества. Каким может быть духовно-нравственное измерение власти, если сегодня «коррупция из эпизодического отклонения от моральных и юридических правил превращается в несущую конструкцию власти, норму взаимоотношений граждан и государства» [13, с. 25]. Как может быть сакрализована государственная власть, если в обществе существует колоссальное социальное неравенство, криминализация экономической и политической жизни общества?

Российская политическая система в большей степени приспособлена для сохранения стабильности и неважно для динамичного развития. Советский Союз в свое время стал мировой сверхдержавой, достигнув внушительных успехов в промышленности, науке и культуре, благодаря мобилизационным и централизованным методам управления. Современная Россия отчасти воспроизводит архаику в управлении и планировании, но существеннее отставание в освоении современного менеджмента. В нем же на первое место выходят даже не информационные технологии, но главное – для повышения эффективности принимаемых управленческих решений бюрократия сама внимательно изучает те сферы деятельности, которыми управляет. Отсюда с неизбежностью происходит расширение контактов и связей с населением, обратная связь приобретает устойчивый и развивающийся характер.

Другими словами, и в этом, и во многих других проблемных ситуациях российского социума демократия приобретает не абстрактно-гуманистический, или идеологический, но прагматически – инструментальный характер. Никакого развития вне диалога власти с обществом, вне ограничения самовласти системой сдержек и противовесов, вне формирования власти на честных выборах, быть не может.

Есть еще одно основание единства и преемственности российского и советского государства. Оно заключается в их принадлежности к типу бюрократической империи. Этот вывод следует из таких общих черт как объединение нормативным и иерархическим порядком разнородного конгломерата этнических, конфессиональных, культурных образований, принадлежащих к разным историческим эпохам. Если российская федерация, имеющая, по преобладающему экспертному признанию, «имитационный», «фиктивный» характер, под лозунгом державности (=

самодержавности) начнет строительство новой империи, то она будет создаваться без устойчивых – институциональных и духовных механизмов интеграции и стабилизации общественных отношений. Тем самым будет развиваться тот же фактор, который в свое время сыграл едва ли не решающую роль в распаде Советской империи.

Можно сколько угодно говорить о «загнивании» Запада и пресловутой российской самобытности, но при этом нужно отдавать отчет, что без создания системы ценностей, ведущих к повышению эффективности деятельности, умению осваивать новые и более технологически высокие виды производства, без людей, способных к конструктивным инновациям, российское государство приобретает плохие перспективы. В этом аспекте многие черты как современной, так и прошлой российской истории – «самодержавная» роль президента, неразвитый парламентаризм и гражданское общество, деформация частной собственности и т.п. – не выражение самобытности, а черты отсталости, которые вдобавок начинают еще и культивироваться. Совпадает с этим, выражаясь модным языком, трендом и агрессивная критика либерализма и либералов, виновных во всех смертных грехах, подобно тому, как совсем недавно в них были виноваты марксисты и коммунисты. Между тем, В.Б. Пастухов совершенно точно указал, на то что «либерализм подготавливался всей советской эпохой почти так же, как большевизм «отстаивался» в российском имперском пруду» – уничтожив патриархальную основу сельской жизни и спровоцировав индустриализацию, коммунизм дал толчок для массового развития индивидуализма; после Второй мировой войны шло очевидное опосредованное усвоение западных либеральных ценностей; к середине 1970-х у советской элиты стал формироваться новый общественный идеал – идеал индивидуальной свободы [14, с. 9]. Другое дело, что советский либерализм возник и развивался вне религиозной Реформации, так пока и не состоявшейся в России, что и привело к выхолащиванию его содержания и «формированию странной авторитарно-анархистской культуры с либеральным фасадом» [14, с. 10]. Но не в том ли заключается важнейшая роль государства при участии модернизированной Церкви (Мечети, Синагоги и т.д.), чтобы восстановить во многом утраченные духовно-нравственные ориентиры созидательного труда, полноценной семьи, гражданской активности, здорового образа жизни?

Нелепо и невозможно ожидание быстрого преодоления патологий и дисфункций государственного и муниципального управления, укорененных в глубине российской истории и подкрепленных провальной во многих отношениях практикой реформирования

последней четверти века. Но время инерции и благодушия сытных «нефтедолларовых» лет быстро истекает.

Литература:

1. Крупеня Е.М. Политико-правовая активность личности и западноевропейские цивилизационные доминанты // Общественные науки и современность. 2010. № 4.
2. Шевченко В.Н. Бюрократия vs государство, Россия и мир в ретроспекции и перспективе // Философские науки. 2007. № 10.
3. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991.
4. Заикин А., Щеглов Б.С. Рациональность и государственность: противоречивость подходов в русской и европейской философии // Русская философия и российская государственность. Ростов н/Д., 2009.
5. Паин Э.А. Волновая природа подъема традиционализма на рубеже XX-XIX веков // ОНС. 2011. № 2.
6. Тютчева А.Ф. При дворе двух императоров. М., 1990. С. 97. Цит. по: Мухина Е.Н. «Человек толпы» (Портрет губернского жандармского штаб-офицера эпохи Николая I) // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2000. № 4.
7. Олейник А.Н. Русская власть: конструирование идеального типа // Политическая концептология. 2010. № 1.
8. Пастухов В.Б. «Перестройка» – второе издание. Революция и контрреволюция в России // Политические исследования. 2011. № 1.
9. Об Администрации Президента РФ: Указ Президента Российской Федерации от 25.03.2004 № 400 (в ред. Указов Президента РФ от 22.02.2005 № 198, от 11.02.2013 № 128) [электронный ресурс]. Доступ из справ. – правовой системы «КонсультантПлюс».
10. Государственная служба. / Отв. ред. А.А. Оболонский. М., 2000.
11. Модерн и бараки // Российская газета. 2010. 9 июня.
12. Тихонова Н.Е. Динамика нормативно-ценностной системы российского общества (1995-2010 годы) // Общественные науки и современность. 2011. № 4.
13. Левин М., Сатаров Г. Коррупция в России: классификация и динамика // Вопросы экономики. 2012. № 10.
14. Пастухов В.Б. Затерянный мир. Русское общество и государство в межкультурном простран-

стве // Общественные науки и современность. 2006. № 2.

References:

1. Krupenya E.M. Political-legal activity of a person and West European civilizational dominant ideas // Obshchestvenniye nauki i sovremennost. 2010. № 4.
2. Shevchentko V.N. Beurocracy vs state, Russia and world in retrospective and perspective // Filosofskiye nauki. 2007. № 10.
3. Danilevskiy N.Ya. Russia and Europe. M., 1991.
4. Zaikin A., Shcheglov B.S. Rationality and national identity: inconsistency of approaches in the Russian and European philosophy // Russian philosophy and Russian national identity. Rostov-on-Don, 2009.
5. Payin E.A. Wave nature of traditionalism rising at the turn of XX-XIX c. // ONS. 2011. № 2.
6. Tyutcheva A.F. At court of two Emperors. M., 1990. P. 97. Cit.: Mukhin E.N. "A man of a crowd" (Portrait of a governorate gendarme field-officer of Nikolas I epoch) // Vestnik Moskovskogo universiteta. Series 8. History. 2000. № 4.
7. Oleynik A.N. The Russian power: constructing an ideal type // Politicheskaya kontseptologiya. 2010. № 1.
8. Pastukhov V.B. "Perestroika" – the second edition. Revolution and counter-revolution in Russia // Politicheskiye issledovaniya. 2011. № 1.
9. On the RF President Administration: RF Presidential Decree dated 25.03.2004 № 400 (as revised RF Presidential Decrees dated 22.02.2005 № 198, dated 11.02.2013 № 128) [e-resource]. Access from the reference-legal system "Konsultant-plus".
10. Civil Service. / Editor-in-chief A.A. Obolonskiy. M., 2000.
11. Modernism and huts // Rossiyskaya gazeta. June 9, 2010.
12. Tikhonova N.E. Dynamics of regulatory and value-conscious system of the Russian society (1995-2010) // Obshchestvenniye nauki i sovremennost. 2011. № 4.
13. Levin M., Satarov G. Corruption in Russia: classification and dynamics // Voprosy ekonomiky. 2012. № 10.
14. Pastukhov V.B. Lost world. The Russian society and state in inter-cultural space.